

ИГОРЬ
ВОЛГИН

ИГОРЬ ВОЛГИН
Сочинения в семи томах

*Последний год Достоевского
Родиться в России
Екатерининский канал
Пропавший заговор
Странные сближения
Ничей современник
Стихи и о стихах*

ИГОРЬ ВОЛГИН

*Последний год
Достоевского*

Издательство
АСТ
Москва

УДК 821.161.1.09 Достоевский Ф.М.

ББК 83.3(2Рос=Рус)1

В67

Художник — *Андрей Рыбаков*

В оформлении переплета использован портрет

Ф.М. Достоевского

(фотограф — *К.А. Шапиро*, 1879)

Волгин, Игорь Леонидович.

В67 Последний год Достоевского / Игорь Волгин; предисл. Дмитрия Лихачёва. — Москва : Издательство АСТ : Редакция Елены Шубиной, 2017. — 780, [4] с. — (Игорь Волгин. Сочинения в семи томах).

ISBN 978-5-17-098761-0

Игорь Волгин — историк, поэт, исследователь русской литературы, основатель и президент Фонда Достоевского. Его книги, переведенные на многие иностранные языки, обозначили новый поворот в мировой историко-биографической прозе.

В «Последнем году Достоевского» судьба создателя «Братьев Карамазовых» впервые соотнесена с роковыми минутами России, с кровавым финалом царствования Александра II. Уникальные открытия, сделанные Игорем Волгиным, позволяют постичь драму жизни и смерти Достоевского, в том числе тайну его ухода.

УДК 821.161.1.09 Достоевский Ф.М.

ББК 83.3(2Рос=Рус)1

© Волгин И.Л., 2016

© Лихачёв Д.С., предисловие, наследники, 2016

© Рыбаков А.И., художественное оформление, 2016

© ООО «Издательство АСТ», 2016

ISBN 978-5-17-098761-0

СОДЕРЖАНИЕ

НЕОБЫКНОВЕННАЯ КНИГА 11

Дмитрий Лихачёв

НЕСКОЛЬКО ВСТУПИТЕЛЬНЫХ СЛОВ 13

От автора

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава I. «КОЛЕБЛЯСЬ НАД БЕЗДНОЙ...» 19

Зима 1880 года. – Род оружия. – Род смерти. – Попытка третья. – Отцы и дети. – Подпоручик из Старой Руссы.

Глава II. СУДЬБА АЛЁШИ 36

Сенсация в провинциальной прессе. – Сколько продолжений у «Бра-тьев Карамазовых»? – К воспоминаниям Суворина. – Свидетельство Софьи Ивановны. – Непреодолимое затруднение. – Ряд совпадений. – Диалог эпиграфов. – Алёна Ивановна и русский царь. – Жертва и иску-пление. – Естественный отбор.

Глава III. ВЕРА ЗАСУЛИЧ И СТАРЕЦ ЗОСИМА 56

Выстрел в градоначальника. – «Иди, ты свободна...» – Ложь в поста-новке вопроса. – Ещё один «гордый человек». – Нравственность во множественном числе. – Колебания перед пролитием крови. – Лучшая лекция Владимира Соловьёва. – Соображения обер-проку-рора.

Глава IV. ПОРТРЕТ С НАТУРЫ**75**

Зима 1880 года. Продолжение. – В гостях и дома. – О наружности и внешности. – Обидчивый обидчик.

Глава V. ТРИ ВЕЧЕРА В МАРТЕ**94**

Пророк – в своём отечестве. – К «истории одной вражды». – Вечер первый. – Вокруг дебюта. – Вечер первый. Продолжение. – Чему радовался Страхов? – Вечер второй (тургеневский обед). – Скандал с разных точек зрения. – «...Какой же ваш идеал?..» – Последний шанс. – «Уventione снизу». – Лишнее звено. – Изучение мотивов. – «Анекдот этот верен». – Так кто же желает «уничтожить народ»? – Последнее слово. – Афрон в благородных домах. – К вопросу о публике. – Стрельба на полном скаку. – Вечер третий, и последний. – Цветы живые. – Вечер третий. Окончание.

Глава VI. ДВЕ НЕДЕЛИ В ФЕВРАЛЕ**147**

Письмо с Бестужевских курсов. – Динамит к юбилею. – Адрес на высочайшее имя: возможности жанра. – Верноподданный нигилист. – Параоксы графа де Воллана. – Источники информации.

Глава VII. НЕДРЁМАННОЕ ОКО**165**

Загадочный аноним. – Встреча в Женеве. – Тайны супружеские и полицейские. – Докладная записка министру внутренних дел. – Цена свободы.

Глава VIII. СВИДЕТЕЛЬ КАЗНИ**184**

Государственный переворот. – Опасения и упования. – Христос у магазина Дациаро. – Ещё один промах. – Два утра с интервалом в тридцать лет. – Знакомство в день казни. – «...В виду отрубленной головы!» – Князь Мышкин и Ипполит Млодецкий. – Вечером у Полонских. – На следующий день и через неделю. – К вопросу о бессмертии души.

Глава IX. НА СЦЕНЕ И ЗА КУЛИСАМИ**222**

В пользу детей. – Все ли браки заключаются на небесах? – «...Вам нельзя читать!»

Глава X. ДРУЗЬЯ И ЗНАКОМЫЕ**237**

«Два-три человека!..» – «И речь ведёт обиняком...» – Ещё одно обвинение против Страхова. – Женщины в его жизни. – Наследницы Татьяны Лариной. – Молчание как жанр.

Глава XI. СЮРПРИЗЫ ПОСЛЕДНЕЙ ВЕСНЫ 264

Свои и чужие лавры. – Сплетня не первой свежести. – Ночные письма. – Желание государыни цесаревны. – Диалог глухих. – Розыгрыш на высшем уровне. – Почему Михаил Никифорович изменился в лице.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Глава XII. ПАМЯТНИК РУКОТВОРНЫЙ 289

Исторический феномен. – «Устранимое лицо». – III Отделение и «Генеральные штаты». – Суэта сует. – Потомки Пушкина и другие. – Две фигуры в белом. – Incident Katkoff.

Глава XIII. ГОСПОДИН ИЗДАТЕЛЬ 314

Возвращение билета. – Что непозволительно херувимам. – К тургеневскому обеду: пропущенный эпизод. – «Тонкости общежития». – Предварительный зондаж. – К вопросу о вызове душ. – Метаморфозы с птицей-тройкой.

Глава XIV. ЗАВЕЩАНИЕ 341

Главный день. – Кого призывают смириться? – Раскольников как «гордый человек». – Немного этикологии. – «Недоделанные люди» и мировая гармония. – Снова о нравственности во множественном числе. – К вопросу о жанре. – «Идеалистический радикал» (ещё к вопросу о жанре). – «Русский Мефистофель». – Опасные игры.

Глава XV. РАЗВЯЗКА С ТУРГЕНЕВЫМ 366

Вечные соперники. – «Он со злобою удалился...» – Апофеоз при электрическом свете. – «Речь была встречена холодно...» – Меню как исторический источник. – Заблуждение Луи Лежара. – Королевский жест и другие движения. – Ночной венок. – Таинственные старики: быль или притча? – Последняя встреча, или Русский человек на rendez-vous. – Боковой сюжет.

Глава XVI. ГОРЯЧЕЕ ЛЕТО 416

Большая и малая проза. – Попытка объяснения. – «Стыдно, милостивый государь!» – Умственный труд в физическом исчислении.

Глава XVII. СЕМЬЯ И ДЕТИ 430

Поздний отец. – Сон с субботы на воскресенье. – «Ребёнку можно говорить всё...» – Огорчения Софьи Андреевны. – В гостиной и в детской. – Холостяк или отец семейства?

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Глава XVIII. ПОСЛЕДНЯЯ ОСЕНЬ

453

Севастопольский зоил и другие доброжелатели. – «Дни мои сочтены...» – Мнительный пациент. – Вопрос о смерти с разных точек зрения. – В кругу семейственном. – «Ну вот и кончен роман!» – Явные превращения тайной полиции. – Подпольщики его величества. – Откровения раскаявшегося нигилиста. – Кого имел в виду генерал Фадеев? – Визит к наследнику престола. – Славянофил по неволе. – «Никто, кроме Христа...» – По вторникам у Штакеншнейдеров. – Нравственные затруднения Льва Толстого. – Несогласия в зрительном зале. – «...На перепутье мне явился». – Прощание с Гоголем. – Место в ряду великих. – Святочные гадания. – По поводу смеха. – Каторга как педагогическое средство. – Умные беседы за игрой в дурачки. – Овации под занавес. – Литература в высшем свете. – Русский парадокс. – «Дешевле не примиримся». – В Петербурге жить и умереть.

Глава XIX. 1881 ГОД, ЯНВАРЬ

517

Чудеса в политической экономии. – Отшельник или Отелло? – Три креста и шесть восклицательных знаков. – Депутат от «серых зипунов». – Несостоявшийся диалог. – Предсмертный сон Льва Николаевича Толстого.

Глава XX. СМЕРТЬ В ДВУХ ИЗМЕРЕНИЯХ

545

Воскресенье, 25 января. – «Закон крови» в действии. – «Не удерживай...» – Конец. – Лучшая повесть Болеслава Маркевича. – Судьба Александра Баранникова. – Документы из полицейского досье. – Протокол № 83: дела соседские. – Рассказ о вселении господина Алафузова в новую квартиру. – «Драгоценный агент». – Гость в западне. – К вопросу о конспирации. – Ночной визит к жене подпоручика. – «Неразысканное лицо»: брюнетка в белом платке. – Укоры совести – с интервалом в полвека. – Меж двух огней.

Глава XXI. ДОМ БЕЗ ХОЗЯИНА

626

Около полуночи. – Не дом, но храм. – Засада у гроба. – Погребальная проза. – Высочайшая милость. – Торг вокруг могилы. – Близорукий митрополит Исидор и дальновидный Победоносцев. – Венки на любой вкус. – Почему не вмешивалось начальство? – «...Но буду известен будущему...» – Письмо, адресованное покойнику. – «Маленький человек»: загробная драма. – Печатная

тризна. – Розы и тернии поэзии некрологической. – Камо грядеши?
(Попытка исторической ретроспекции) – Прощание на русский
манер.

НЕСКОЛЬКО ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫХ СЛОВ	688
Примечания	690
Именной указатель	761
Условные сокращения	781

НЕОБЫКНОВЕННАЯ КНИГА

Игорь Волгин написал необыкновенную книгу. Необыкновенную по жанру, замыслу, исполнению.

Обычно очерки «о жизни и творчестве» очень слабо связывают жизнь и творчество с окружающей действительностью, с тем, что делается вокруг.

В «Последнем году Достоевского» общественные события и обстоятельства частной жизни охвачены единым взором, отсюда возникает удивительное ощущение исторической достоверности и полноты. Через события предсмертного года Достоевского Игорю Волгину удалось разглядеть всю его жизнь, уловить её движение и внутренний смысл. Исторические события, жизнь страны и жизнь Достоевского рассматриваются в их целокупности. События жизни Достоевского оказываются значительными, обретают особый смысл.

Касаясь отношений Достоевского с самодержавным государством и с революционным движением, И. Волгин не ограничивается сообщением известных фактов, а выдвигает собственное, на мой взгляд, вполне убедительное их толкование, отвергающее многие неверные и устаревшие представления и дающее простор для дальнейших исследований. Его понимание событий, предшествовавших смерти Достоевского и проходивших совсем рядом в тесном переплетении с делами вполне домашними, очень необходимо именно сейчас, когда

в литературе о Достоевском на мировой арене идёт острая борьба за писателя.

Уверен, что эта умная, талантливая книга станет заметным событием в отечественной и мировой литературе о Достоевском и не оставит равнодушным никого из тех, кому дорога русская культура.

Академик Дмитрий Лихачёв

НЕСКОЛЬКО ВСТУПИТЕЛЬНЫХ СЛОВ

ОТ АВТОРА

В один из последних дней 1880 года Достоевский заехал к своему старинному приятелю Алексею Николаевичу Плещееву: завёз долг двадцатилетней давности. «Вот ещё 150 р., — пишет он в адресованной поэту записке, — всё-таки за мной остаётся хвостик. Но отдам как-нибудь в ближайшем будущем, когда разбогатею. А теперь ещё пока только леплюсь. Всё только ещё начинается»¹.

Ему оставалось жить чуть больше месяца.

Пушкин незадолго до своей гибели пишет «Памятник»; Гоголь, Тургенев, Толстой в конце пути тоже подводят итоги. Достоевский говорит: «Всё только ещё начинается».

Он умирает на взлёте, в момент величайшего проявления своей духовной моли: после недавнего московского триумфа, едва успев дописать последние страницы «Братьев Карамазовых». Он уходит в час, когда, по его собственным словам, «вся Россия стоит на какой-то окончательной точке, колеблясь над бездной»², уходит, не ведая, что всего через месяц после его кончины будет оборвано неспокойное царствование Александра II. Он уходит, не подозревая о том, что его собственные похороны сделаются заключительным актом целой исторической эпохи.

В свой последний год автор Пушкинской речи становится едва ли не самой заметной фигурой общенационального масштаба.

Конечно, гений интересен в любой момент времени. Но всегда по-особому значителен финал его жизненного пути: здесь как бы срабатывает тайная мысль всего «сценария». И если к тому же последний вздох художника совпадает с исключительной минутой в жизни его отечества, тогда наш

поздний исторический интерес получает двойное оправдание.

Эта книга не охватывает (да и не может охватить) всех тех вопросов, которые занимали её героя: *он*, а не *они* составляют её сокровенный интерес. Но не от разгадки ли этой главной проблемы существенно зависят все остальные?

Автор исходил не только из тех соображений, что избранный им год – последний и что в нём сходятся основные линии жизни. Концентрация исследовательских усилий в одной исторической точке позволяет острее рассмотреть (и по-новому оценить) то, что окажется в фокусе.

Медленное вглядывание в обстоятельства и события этого последнего года вдруг позволяет обнаружить вещи, неразличимые при высоком (в смысле – *над*) литературоведческом парении; вслушивание в тон, в интонацию каждого из тех, кому предоставлено слово, делает внятными звуки, нередко скрываемые бодрой биографической скороговоркой. Ни один факт не должен приниматься на веру: ему надлежит получить подтверждение при перекрёстном допросе свидетелей и обрести своё место в системе доказательств.

Сюжеты, возникающие в ходе нашего повествования, как правило, не затрагивались (или почти не затрагивались) исследователями. Так, в почти необозримом море отечественной и зарубежной литературы о Достоевском нельзя указать работ, которые были бы посвящены смерти писателя и отношению к ней русского общества. Подобные лакуны немыслимы в науке о Пушкине, Гоголе, Толстом.

От читателя, очевидно, не укроется предпочтение, отдаваемое первоисточникам. Впервые приводится значительное количество печатных материалов (откликов прессы, дневниковых и мемуарных свидетельств и т.п.), доселе не привлекавших исследовательского внимания и поэтому практически неизвестных. Сказанное, разумеется, относится и к большинству использованных архивных документов.

Порою автор отваживался на предположения: историческая реконструкция (как и любая реконструкция) допускает восстановление неизвестного и утраченного на основе достоверного.

Автор не стремился удержаться в жестких хронологических рамках, когда выход из них диктовался самим сюжетом: отступления от 1880 года оправданы тем, что почти каждое

событие последнего года Достоевского так или иначе соотносится с коллизиями всей его жизни и – не побоимся этого сказать – с дальнейшим ходом русской истории.

Важно было остановиться и на развязке личных и литературных отношений Достоевского с Тургеневым, а также на некоторых моментах его духовного сосуществования с Львом Толстым.

Предвидя возможные упреки в «достоевскоцентризме», когда речь касается отношений его героя с великими современниками, автор спешит оговориться, что он не руководствовался добрым школьским правилом – раздать всем сестрам по серьгам: он старался соотнести происходящее с кругом сознания Достоевского. Нужно ли разъяснять, что исторический анализ вовсе не игнорирует суждений субъективных и даже пристрастных: они являются принадлежностью самой эпохи.

«Всё только ещё начинается», – написано им за месяц до смерти. И он не ошибся. Всё ещё было впереди. Сам он так и не успел отдать Плещееву всю занятую у него сумму: последний «хвостик» возвращала уже Анна Григорьевна. Но с Достоевским всегда особые счёты. Существует задолженность ему самому – его современников и потомков. Причём «сумма» имеет тенденцию к росту.

Следует отдавать долги.